Зинаида Миркина

* * *

Деревьям было всё равно,
Что нам с тобою суждено.
Вершины, плещущие в небе,
Про наш с тобой не знают жребий.
И даже весть, что умер ты,
Не перебьёт их немоты.
И всё-таки про равнодушие
Природы никого не слушай.
Она молчит, но нужно ей
Всё то же, что душе твоей.

* * *

Тепло и тихо в деревянном доме.
Деревья затаились у окна,
И с каждой минутой всё весомей,
Таинственной и гуще тишина.

Как важно то, что в этот час вершится
В сгустившейся, набухшей тишине.
Безмерность входит в малую крупицу —
Спокойно размещается во мне.

Великий мир заходит в эти стены,
И суета остановила бег.
И каждая подробность здесь священна —
Среди потопа плавает ковчег.

* * *

Дождь, прекратившийся внезапно.
Ольха, провисшая дугой...
Переговаривались капли
Одна с другой, одна с другой.

Мир, погружившийся в дремоту.
Прохладно, тихо и светло.
И недосказанное что-то
Ко мне вплотную подошло.

Сплетались, связывались нити,
Тянулись к сердцу моему...
О, говорите, говорите...
Быть может, я ещё пойму.

* * *

И наступает час, когда
Беззвучно отступает время.
Восходит первая звезда
И мягкая ночная темень
Глядит в нас блёклыми глазами
Последней гаснущей зари,
Как будто хочет слиться с нами
И тайным светом стать внутри.

* * *

А облака на небосводе
Плывут и тихо говорят,
Что всё проходит, всё проходит...
Лишь поднимите к небу взгляд.

Неспешно проплывают мимо
И тают в небе. Даль чиста.
И нету бед непоправимых,
Раз над тобою — высота.

В огромном небе реет птица,
И есть одна на свете цель:
Нырнуть в бескрайность, погрузиться
Вот в эту вечную купель.

* * *

Тишина есть пространство для Бога.
Тишина есть пространство для роста.
О, как в мире сём сложного много.
А нужнейшее тихо и просто.

Рдеют сосны в закатном пожаре
Иль белеют под снежным покровом.
Нас нужнейшее жизнью одарит
И при этом не скажет ни слова.

* * *

Здесь, у воды и вознесённых скал,
Я поняла закон творящей силы;
Её есть столько, сколько ты собрал,
И Духа столько, сколько грудь вместила.
Мне говорил пустынный небосвод
И пустоту прорезавшая птица,
Что силу нам никто не подаёт, —
Одна Любовь даётся без границы.

* * *

А может, смерть и есть любовь,
Не уместившаяся в сердце?
Уже не плоть, уже не кровь,
А жизнь, искупленная смертью.
Сквозная жизнь... Я — тень, я — дым,
Уже никто, мне места нету.
Я стану воздухом твоим,
Я стану духом, стану светом.

* * *

Розоватый, с каймой голубою,
Нежным светом светящийся дым.
Он повис над упрямой судьбою,
Над немолкнувшим горем моим.
На небесном вечернем просторе
Облаков и лучей ворожба
Почему-то сильнее, чем горе,
Почему-то важней, чем судьба.

* * *

Вся правота моя лишь в том.
Что утром за моим окном
Свод неба пламенеет.
Какая б ни была беда,
Но вот заря встаёт всегда,
И я смолкаю с нею.
Я вижу каждый день зарю —
Мерцающее пламя.
И вновь на этот мир смотрю
Промытыми глазами.

* * *

Свет говорил нам не про то,
Нет, не про то, что все мы знали.
Пространство было залито
Призывом из глядящей дали.
Свет в нас глядел. Какую весть
Несло закатное горенье?
Замри. Припомни. Что-то есть
Важнее смерти и рожденья,
Важней всего, что, мозг суша,
Спать не давало. Что же это?
Ответить может лишь душа,
Насквозь пронизанная светом.

* * *

О, как Он внимательно смотрит на нас
Сквозь темные сосны и ели.
Он нам показался всего лишь на час,
Чтоб мы причаститься успели.

Пред тем, как уйдет Он в священную тьму
И станет прозрачным, как воздух, —
Чтоб мы всей душой причастились Ему —
Огню, что когда-то нас создал.

* * *

О, столько боли, столько горя!
Как трудно жить, сквозь ад бредя.
Но шелест леса, ветер с моря,
Но шум июльского дождя...

Как ни моли, как ни усердствуй,
Не проломить глухой стены.
Но этот зов к себе с бессмертной,
С иной, с родимой стороны!..

* * *

Есть что-то, что важнее нас.
Есть что-то там, за нашей гранью.
Давайте встретимся в молчанье
В тот, уводящий в вечность час.

Давайте встретимся в просторе,
В котором умирает страх,
Где наша боль, все наше горе,
Как дымка, тают на глазах.

Есть не вмещенное в умы
Вот То, что вечно молчаливо.
Есть Что-то большее, чем мы,
И только потому мы живы.

* * *

Я слышу Речь без звуков и без слов.
И день, и ночь я отвечать готова
На тот тишайший и немолчный Зов,
На не вместившееся в книгу Слово.

И всей душой измученной любя,
Я говорю всё трепетней, всё тише:
«Я слышу, слышу, Господи, Тебя.
Прости за то, коль что-то недослышу».

Миркина Зинаида Александровна (1926 — 2018) — поэт, переводчик, прозаик, эссеист. Училась на филологическом факультете Московского университета, где защитила дипломную работу, но не смогла сдавать госэкзамены, поскольку была парализована и пять лет провела в неподвижности, болезнь удалось преодолеть силой воли и духа. С середины 1950-х переводила стихи поэтов союзных республик, суфийскую лирику; её переводы Рильке признаны одним из высших достижений отечественной переводческой школы. Стихи Миркиной впервые стали выходить лишь с начала 1990-х годов. Кроме того, вышли книги о творчестве и духовном пути Пушкина, Достоевского, Цветаевой, Рильке, а в соавторстве с Григорием Померанцем — исследование «Великие религии мира».